

Чему бы я ни следовал и что бы ни признавал за истину, причиной моего решения будет всегда только мой разум, и потому следовать можно не тому и другому учению, а только своему разуму.

Л.Н. Толстой

Что о Толстом можно написать к дате его рождения? Что ещё ко всему тому, что уже написано? Кажется, всё нужное и не нужное о нём обговорено многожды. Есть ли надобность добавлять что-либо к этому? К множеству серьёзных исследований и состряпанных по случаю журналистским однодневкам, доброжелательным советам и вопросам с «издёвкой», ожесточению и враждебному отрицанию не только религиозных поисков, но и, казалось бы, признанных читательским миром художественных произведений? Были и есть дикие обвинения его почти во всех поведенческих отклонениях, описанных в Библии, а злобные фанатички трезвонили о мучившем их ночью Сатане в образе Льва Толстого и о том, как этот «отлученец» полз к оптинскому старцу вымаливать у церкви прощение. Сочинителям(льницам) таких несуразностей специальный врач нужен; не нам их касаться.

Если к сказанному о великом писателе добавить уже нечего, то можно отдать долг памяти краткой информацией, как делали это в отрывных календарях советского периода. Так просто и напом-

нить, пожелав нашим гражданам на досуге перечитать рассказы, к примеру, о льве и собачке, Филиппке, кавказском пленнике, казаках на Кавказе, Иване Ильиче, Корнее Васильеве, не забыв, конечно, и о крупных произведениях. Может быть, так было бы достаточно, но...

Но нет-нет да появляются неуважительные без основания, высказывания о Л.Н. Толстом. Поэтому считаю, только дежурной справочкой «по случаю» отделяться не нужно.

Напомним кое-что из жизни Льва Николаевича, вспомним о его взглядах и оценку их разными людьми. На русских просторах есть Лев Толстой, есть его почитатели и неприятели, а поэтому, даже, если написано о нём уже множество страниц, вспомнить и в чём-то повторить сказанное ранее грехом особым не станет.

Юбилей его не совсем «круглый», однако дата его появления на свет для русского человека значима: 190 лет назад, 28 августа в имении Ясная Поляна у Толстых Марии Николаевны (в девичестве княжны Волконской) и графа Николая Ильича родился четвёртый сын, наречённый Львом. Незавидная судьба досталась мальчику и юноше, да и судьба всей его жизни вызовет ли зависть, если задуматься? Родители его умерли рано, – матери он не помнил, в девять лет остался с братьями и сестрой без отца. Взрослел под присмотром тёток. При пытливом уме и склонности к учёбе в Казанском университете не задержался, вёл тогда обычную для молодёжи его круга «беспутную» жизнь, его не устраивавшую, но затягивавшую в сети удовольствий. От них молодой человек избавился, уехав по совету старшего брата на войну с горцами Кавказа. С тех пор, с появления в Некрасовском «Современнике» повести «Детство» начался писательский период прославившегося на весь мир Россию Льва Николаевича Толстого. Женитьба на С.А. Берс, кажется, компенсировала ему на много лет потерянный в детстве уют, но червь сомнения, проявлявшийся не в очень острой форме и раньше, привёл к резкому изменению взглядов на место человека в мире и сам мир. Все свои аналитические писательские способности он сосредоточил на «вечных вопросах». Начался разлад в семье, вызывавший неоднократные попытки ухода его из дома. Последняя попытка привела писателя на станцию Астапово². Мягущаяся натура! А некоторым «знатокам» кажется, что в полном благополучии пребывал всемирно известный писатель.

² Переименованную, что привело, по-моему, к нелепому производному: «Лев Толстовский район Липецкой области». Вернуть бы старое название, оно всем знающим историю отчизны и литературы понятно, с чем связано. *Прим. автора.*

Обыкновенный, рядовой читатель произведений Толстого и материалов о его творчестве и поиске им смысла жизни не углубляется в сущность учения древних и новых мыслителей, из философских достижений которых исследователи выводят мировоззрение писателя, – мыслителей, в коих видят предтечи его взглядов. Читатель просто знакомится с тем, что дают его книги и с тем, как его воспринимали окружающие, а не с сущностью индуизма, буддизма, конфуцианства, кантианства, анархизма и прочих теорий, осмысливавшихся Львом Николаевичем. Читателям достаточно непосредственных впечатлений от произведений писателя. И, может статься, заинтересуют их различные отзывы о тех произведениях. В философские истоки его взглядов мало кто углубляется. Нам интересно обдумать вслед за ним, почему обыденные взаимоотношения людей так далеко отстают от моральных идеалов, вроде бы большинством из нас принятых, и как такой разрыв преодолеть на уровне реального поведения.

О благожелательных оценках произведений великого русского гражданина нас знакомили в школе, а всегда ли оценки были положительными, и в чём его упрекали? Что критикам не нравилось, что они отвергали? Насколько с теми упреками мы согласимся? Современный читатель сможет разобраться сам: поддерживать ли те мнения или отклонить их с учётом изменений взглядов за прошедшее время.

Критик С.С. Дудышкин в «Отечественных записках» 1856 года находил военные рассказы Толстого, ныне по достоинству оценённые, однообразными и наблюдения автора поверхностными.

Замечаниями о рассказах в письме от 6 октября 1856 года поделился по-товарищески настроенный к молодому Толстому А.В. Дружинин: «Каждый Ваш недостаток имеет свою часть силы и красоты, почти каждое Ваше достоинство имеет в себе зёрнушки недостатков. ... Вы сильно безграмотны иногда безграмотностью нововводителя и сильного поэта, переделывающего язык на свой лад и навсегда. ... Наверно можно сказать, что все пассажи, писанные с любовью, у Вас превосходны, но чуть вы холодеете, у Вас слог путается, и являются адские обороты речи».

А так высказался И.И. Панаев В.П. Боткину о «Люцерне»: «Видно, что это писал благородный и талантливый, но очень молодой человек, из ничтожного факта выводящий Бог знает что и громящий беспощадно всё, что человечество вырабатывало веками потом и кровью». Боткин пишет в ответ: «Это во всех отношениях не только детская вещь, но ещё неприятная... и самую непривле-

кательную роль разыгрывает в ней автор». Однако в Москве по свидетельству Д.В. Григоровича «Люцерн» оценивали отлично.

Ещё в 1857 году Н.А. Некрасов советовал: «Я вспомнил начало Вашего казачьего романа, вспомнил “Двух гусаров” – и подивился, чего вы ещё ищете – у Вас под рукою и в Вашей власти Ваш настоящий род, род, который никогда не прискучит, потому что передаёт жизнь, а не её исключения; к знанию жизни у Вас есть ещё психологическая зоркость, есть поэзия в таланте – чего же ещё надо, чтобы писать хорошие – простые, спокойные и ясные повести?»

Ф.И. Тютчев сочинил эпиграмму (по-моему, не очень удачную) на повесть «Казачья»: «Затею этого рассказа / Определить мы можем так / То грязный русский наш кабак / Придвинут к высотам Кавказа». С какой высоты «эстетства» так показалось Фёдору Ивановичу?

В.А. Соллогуб, автор повести «Тарантас» (полезной и современному читателю) с позиций «правильного» искусства отозвался в 1863 году о рассказе «Холстомер» насмешливо – по его мнению и слова-то в тексте: евнух, кастрат и мерин неприятны для слуха, как и сосцы, сосунки; да и от картин холощения жеребчика и случки маменьки-кобылы с жеребцом публика поморщится. Критик предлагал следовать закону прекрасного – строить художественное произведение чётко на четырёх столбах: вступлении, завязке, повествовании и заключении. «Мне кажется, – писал Соллогуб, – что надо отбросить цинизм, столь чуждый Вашему таланту».³

Первые появившиеся книги «Войны и мира» вызвали не слишком дружественный приём. Поэт П.А. Вяземский упрекал писателя в незнании реальностей войны с Наполеоном⁴. М.Е. Салтыков-Щедрин по информации Д.П. Маковицкого будто бы назвал эпопею сплетнями бабушек и тётушек. Т.А. Кузминская (сестра Софьи Андреевны) пересказывала мнение Салтыкова, бывшего вице-губернатором в Туле так: «Эти военные сцены одна ложь и суета... Багратион и Кутузов – кукольные генералы». Только при издании полного романа оценки его сместились в положительную сторону. Уже в XX веке Н.А. Бердяев в «Самопознании» призна-

³ Знал бы Владимир Александрович с каким восторгом, не морщась, публика в России через сто пятьдесят лет будет зачитываться мастером «засосной» перековерканной (будто бы буддийской) прозы. *Прим. автора.*

⁴ То читателям «Севастопольские рассказы» не нравились за «поверхностность» впечатлений человека, участвовавшего (в отличие от критиков) в Крымской войне (не та пропаганда?), то в «Войне и мире» находили исторические несоответствия. Попробуй угоди! *Прим. автора*

вался: «С “Войной и миром” связано для меня чувство родины, может быть, единственное чувство родины»⁵.

«Анну Каренину» воспринимали при её появлении в «Русском вестнике» теплее. Не без замечаний, правда, восторгался ею Ф.М. Достоевский. Некоторые отзывы годились бы на шестнадцатую страницу «ЛГ». К примеру, одна дама благодарила Льва Николаевича за то, что в «Анне Карениной» она почувствовала всю прелесть светской жизни. А словацкий писатель Гурбан-Ваянский хвалил мастерство описания скачек – и только-то! Если серьёзно, то добавить к оценке «Анны Карениной», данной временем, нечего. Это действительно лучший роман! Одно описание свидания Анны с сыном! Никакое кино не сравнится!

Сочинения графа Л.Н. Толстого читали и при Дворе со времён Николая Павловича. О некоторых из них мнения резко менялись. 27 января 1887 года Александр III, прослушав в присутствии своих приближённых прочитанную А.А. Стаховичем пьесу «Власть тьмы», назвал её «чудной вещью» и сам вызвался присутствовать на генеральной репетиции. Он также приказал поставить «Власть тьмы» на сцене Императорских театров. Однако 18 февраля Победоносцев пишет императору, что не может «прийти в себя от ужаса, ознакомившись с пьесой». 19 февраля Александр Николаевич отмечал сильное впечатление от «Власти тьмы», но и сильное отвращение, и «он теперь убедился, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету».

⁵ Автор заметки «У русской литературы закончился срок годности» пишет: «Пафосное, мучительное, многословное фентези Толстого о войне 1812 года своё отжило. В этом жанре появились образцы и поинтереснее. Тема многолетних предсовокупительных терзаний самок в кринолинах тоже сегодня особого интереса не представляет». Познакомившись с мнением знаменитого ведущего “Шестисот секунд”, я, грешным делом, подумал, может и правда пора простаться с эпопеей, зачерствела она и прокисла, нынешние творцы ведь “лучше” пишут, и взял перечитать её. Оказалось, как легко и светло на утомляющему читателя многолюдству в романе, как свежо воспринимаются близкие нынешним поколениям русских людей переживания героев. Уже начало захватило меня, как при первой встрече. Кажется, не то что козе, а любой кобыле должно быть понятно, что “предсовокупительные терзания” не литературная мода, а естество, повторяющееся во всех поколениях».

Николай Николаевич Страхов писал в 1873 году: «Но помните, Лев Николаевич, что если Вы и ничего не напишете, Вы всё-таки останетесь творцом самого оригинального и самого глубокого произведения русской литературы. Когда русского царства не будет, новые народы будут по “Войне и миру” изучать, что за народ были русские». Это мнение и сейчас убедительно определяет место эпопеи.

Теперь от «неважной забавы»⁶ – художественности, перейдём к моральному творчеству писателя, выберем из круга понятий, обсуждавшихся Толстым последние тридцать лет его жизни, на взгляд современника те, что имеют значение в начале двадцать первого века; вспомним его надежды на будущее и предвидение связей в различных человеческих группах. Посмотрим, что из того проверено временем, отсеяно или остаётся неустранимой для раздумья темой. И будем учитывать условие, по которому предполагать что-то и приветствовать это что-то – вещи разные, зачастую несовпадающие.

В конце семидесятых годов наступает у Льва Николаевича резкое переосмысление взглядов на жизнь общества и человека. И раньше он обращал внимание на громадную разницу в достатке и затратах труда на него у богатей и бедняков. Первые, не работая, за день съедают и выпивают столько, сколько хватило бы сотням людей на год. Такое положение он оценивал как нелепое и невыгодное, и ставил вопрос, поиск ответа на который занял последние его годы: «Если есть Бог, то так не может и не должно быть». Перестройку таких отношений нужно было бы провести, по его мнению, заменой лживой религии на высшую истину, открытую ещё 1800 лет назад. Он сосредотачивает мысли свои на уяснении смыслов, и кажется, как осенняя листва слетает с него прошлое восприятие целей и средств существования в природе и человеческом обществе. После долгих раздумий, отразившихся в некоторых произведениях, опубликованных в начале восьмидесятых годов, он пытается сформировать оптимальный круг деятельности человека, оправдывающей его существование на земле. Об этом он будет говорить до конца своих дней⁷. Его работы нового направления воспринимались с интересом, рассужде-

⁶ Из письма И.Ф. Наживину 25 сентября 1906 года: «Я давно уже думал, что форма романа отжила, не вообще отжила, а отжила как нечто важное. Если мне есть, что сказать, то не стану я описывать гостиную, закат солнца и тому подобное. Как забава, не вредная для себя и для других, – да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрел как на что-то важное. Это кончилось».

⁷ В 1883 году он писал М.С. Громеко: «Мне часто говорят: пишите художественное и т.д. Я всей душой бы рад и кажется, что есть что; да кто же то напишет, что я теперь пишу? Пусть кто-нибудь снимет с меня это дело или покажет мне, что оно не нужно, или сделает его». А 24 марта 1887 года Н.Л. Озмидову, уже утвердившись в своём поиске, писал: «Хочется и надеюсь выразить совсем просто и ясно, что жизнь есть совсем не та путаница и страдания, которые мы себе представляем под этим словом, а нечто очень простое, ясное, лёгкое и всегда радостное».

ния о простой жизни энтузиасты таковой старались воплотить в реальность. Кто уверовал в истинную ценность обеспечивающего необходимые потребности труда, находил своё место под солнцем земледелия, пытаясь организовать совместную хозяйственную деятельность – это так называемые толстовцы, в массе своей ничего дельного не добившиеся.⁸

Постепенно часть пишущего сообщества начинают раздражать выделяемые им нравственные критерии поведения. К началу двадцатого века и, особенно, после отлучения графа Льва Толстого от церкви эти критики пишут о творчестве писателя, вступившего в пору своего нового мировосприятия, откровенно издеваясь, придираясь, передёргивая, преувеличивая и произвольно домысливая. Остановимся на нескольких упрёках писателю людей неординарных.

Представитель известной историко-литературной фамилии Соловьёвых философ Владимир Сергеевич в статье «Наши Никодимы» резюмирует пропаганду Толстого: «Не нужно церкви, потому, что церковники бывают фанатичны, лицемерны и своекорыстны; не нужно государства, потому что оно связано с принуждением, а принуждение есть зло; на фабриках рабочие бывают подавлены чрезмерною механической работою – значит, не нужны фабрики и заводы; деньги развивают стяжательство и мошенничество, значит, не нужно денег, – отчего прямо не менять пирог на лапти? Учёные часто занимаются пустяками, значит не нужно науки и университетов. Художники и музыканты действуют своими произведениями на чувственность, значит, не нужно искусства; купцы живут обманом – значит, не нужно торговли; в городах много соблазнов – да погибнут города; люди, легкомысленно вступившие в брак, не ладят между собою, значит, семья есть разврат». (Уфф! Заставь ду..., то есть философа Богу молиться, он лоб прошибёт! Таким способом надёргать уличения можно из любого текста. Не дай тебе Боже!)

⁸ Последние единичные их артели ликвидировались при создании колхозов.

Связался ещё Толстой по доброте душевной с переселением в Канаду российских духоборов, угнетаемых здесь за отказ подчиняться властям; даже оплату за роман «Воскресение» отдал на это, как считал, благородное дело. Ну, переселились граждане духоборы, и приспособляйтесь сами, а не ждите от Толстого ещё и соску. А у них и за них начинается возмущение: в «Миссионерском обозрении» за ноябрь 1900 года публикуют статью о фарисейском послании писателя сектантам. Стоило тратить на них время! Лев Николаевич им ничем не обязан – на отказ от военной службы они пошли сами, а не по его наущению.

Во многом антипод Толстого, жёсткий критик провозглашённых писателем взглядов на личность, науку и так далее, фанатично преданный идее фантастического воскрешения отцов сыновьями Н.Ф. Фёдоров с запредельной мстительностью за отказ поддерживать его «секту» воскресителей, писал по поводу синодального отлучения писателя, упрекая Толстого, донашивающего «обноски философов XVIII века», в самопревозношении и самообожании, в призывах к «не-думанию и не-деланию». Толстой, по его мнению, считает всякий вздор, приходящий ему в голову, за откровение свыше. И особенно негодует космический фантаст на толстовское предложение «познай самого себя» (и далее уже несёт окоlesiцу), то есть «знай только себя» и, значит, таким образом, вооружает сынов против отцов.

Известный хороший журналист того времени М.О. Меньшиков упрекал Льва Николаевича в призывах к абсолютному непротивлению, целомудрию, нищете. «Как немногие он связал свою природу и держит её в плену у своей мысли... Отсутствие уверенности, недостаток естественной безотчётной веры, свойственной простым людям, – вот коренная причина жестокости его к природе», – утверждал журналист.

А свет очей русской интеллигенции в июне 1905 года с высоты своего буревестникова полёта как бы определяет итоговое место Льву Толстому в России: «Этот человек впал в рабство своей идеи. Он давно уже замкнулся от русской жизни и не прислушивается с должным вниманием к её голосу. Я был свидетелем, когда к Толстому явилась группа крестьян посоветоваться по некоторым вопросам их быта; и вместо того, чтобы выслушать мужиков и дать практический ответ, Толстой стал высказывать им свои суждения, развивать те идеи, до которых не дорос не только крестьянин, но даже наш интеллигент⁹. Не надо придавать особого значения его словам о современном положении России – он очень далеко стоит сейчас от неё».

Люди, распространявшие сплетни о Льве Николаевиче и его семье, конечно, очень далеко стояли от понимания его. Как бы обидно облаивание ими писателя, если бы не оставлял он открытых, искренних записей о себе! Ему ставили и ставят в вину передачу земельной собственности семье, а не крестьянам; уничтожение русского просвещения, словесности, науки, медицины... Его заваливали обличительными письмами. Доходили до Ясной

⁹ И даже Алексей Пешков, мастер «публицистического фигурного катания», тоже не дорос?

Поляны обвинения и в том, что Толстой – причина развала России на радость немцам и жидам.

Если «Война и мир» вызывала в своё время разные оценки, то что говорить о произведениях морального направления, затрагивающих основные вопросы бытия, и, особенно, сознания в нём; затрагивающих интересы церкви. Главный её грех писатель видел в поддержке государственного насилия и отступление от учения Христа. И могла ли церковь спокойно переносить такую её характеристику: «Уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин»¹⁰. («Исследование догматического богосло-

¹⁰ Мне кажется, осуждающий смысл этих слов Толстого и обида на них церковников не имеют основания. Толстой запечатлел факт. Женщины такие были, есть и будут, наверное, всегда. Это особая биологическая конструкция. Им необходимо действие по церковной программе, и что-то пытаться объяснить им, переубедить их – бесполезный труд. Они хорошо настроятся перед походом на службу в храм, оденутся приблизительно так, как требуется по календарю праздников, постов и дней недели, одухотворённые послушают проповедь, облагоденствуют, а через полчаса после обедни законы и правила реальной жизни разворачивают их благость на обочину и заставляют вносить иногда существенные поправки в форму, приёмы и методы общения с ближними и дальними. И вышедшие из храма, очищенные от прошлых грехов женщины принимаются осуждать поведение знакомых и незнакомых людей, задумываются, как бы больше досадить и отомстить обидчице или обидчику и погружаются в лицемерие, ложь и обман ради кажущейся естественно необходимой им выгоды. Пусть их! Не мешайте им, (конечно, не все женщины такие). О рабочих Лев Николаевич как-то говорил, что лучше бы они обедню отставили, чем шли на манифестации. Может, в отношении женщин сказать также, – лучше бы они на обедню ходили, чем митинговать.

Что касается плутов, так их во всех слоях населения достаточно, – куда от них денешься! А за то, что церковь привечает слабоумных, её благодарить надо, – так некоторая часть конфликтов в обществе снимается.

О священниках говорить боюсь – от выслушивания их в последнее время прихожу в растерянность. Мне пришлось быть свидетелем такого их отношения к собеседникам, на которое Толстой обращал внимание, когда вместо ответов «на глубочайшие вопросы о душе они отвечают жалкими обманами и нелепостями и ещё утверждают, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь» («Исследование догматического богословия»). Ну, не понимаю я их, грешен... Я сочувственно относился к положению церкви в советское время, бывая в разных городах заходил в храмы, наблюдал женщин, пришедших за успокоением, – священник им был полезнее, чем директор, парторг, или даже профорг, а теперь мне жутко стыдно смотреть репортажи о многочисленных очередях на поклон иконам и мощам. Ну, если есть такие люди, пусть приходят, приезжают издалека, но зачем показывать, да ещё навязывать всему миру представление о нашей благопристойной простоте? Не понимаю! *Прим. автора.*

вия»). Она и отреагировала, – отлучила графа Толстого от своей организации¹¹. Недовольны были критическими заявлениями писателя и «широкие массы населения», хотя выставить рациональную защиту церковной деятельности от его замечаний не могли. Здравый смысл и мистика не стыкуются!

Критика Толстым учения о благодати подрывала доверие к непоколебимости пастырских установок и механическому исполнению таких таинств, как крещение, миропомазание, причащение, приносящих некоторый доход причту. Он признавал в Библии «много очень великого, важного, нужного для понимания жизни и руководства в ней», и вместе с тем наличие бессмысленного, затемняющего то, что полезно в ней. Пустой книгой он считал «Откровение Иоанна» (т. 80, с. 34)¹². Всё это такие же книги, как и всякие другие, какого бы то ни было сочинителя. «Вообще, надо помнить, что гораздо больше зла происходит от того, что люди верят Писанию, чем от того, что они не верят в него», – писал Л.Н. Толстой крестьянину Саратовской губернии Ф.Ф. Болабольченкову в апреле 1910 года. Заветы Иисуса Христа принимаются Львом Николаевичем за путь к праведной жизни. Он воспринимал Христа здоровым, трезвомыслящим человеком, изрекающим глубоко продуманные, посильные для исполнения нравоучения, ведущие человека к идеалу. В статье «В чём моя вера» Толстой собирался не толковать учение Христа, а только рассказать, как он понял простоту этого учения, не нуждающегося ни в чём толковании и без разъяснений понятное каждому, внимательно читающему высказывания Христа о нормах правильной жизни.

Таковыми эти высказывания казались Толстому более ста лет назад. Насколько подходящими они кажутся сейчас? Я только делюсь с читателем сомнениями и задаюсь вопросами, ни на чём не настаивая.

Какие же направления деятельности должен был принять человек, следующий наставлениям христианской, а не церковной религии.

¹¹ По-моему, зря заострил Синод на выступлениях писателя такое внимание. (Власть, хотя ей доставалось от писателя не меньше критики, поступала умнее: сдерживалась от резких движений). Разного рода претензии к церкви высказывали и ранее, – ничего ей особенно от них не сделалось: отпущенное этому общественному движению Богом время ещё не закончилось. А так, поспешным «отлучением» только народ взбудоражила, что, может быть, поспособствовало и её бедам после семнадцатого года. *Прим. автора.*

¹² Том и страница в скобках даются по Полному собранию сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах. *Прим. автора.*

На что обратил внимание Л.Н. Толстой в поисках смысла жизни? На то, что в мире лжи, лицемерия и насилия опорой человеку могут стать простые понятные поучения Иисуса Христа, вкрапленные в текст Евангелий. Те советы Христа определяют условия достижения человеком земного счастья. Условия таковы: 1 – не порывать связи с природой; 2 – заниматься любимым свободным трудом с физической нагрузкой; 3 – дети в семье должны быть не обузой, а радостью; 4 – нужно свободно и любовно общаться со всеми разнообразными людьми в мире и 5 – здоровая жизнь и безболезненная смерть.

Мешают осуществлению этих условий, сопротивляются им соблазны, на которые обратил внимание Христос: 1 – гнев на людей; 2 – блудная похоть; 3 – клятва; 4 – противление злу насилием других людей; 5 – разделение между своими и чужими народами.

Насколько мы теперь можем принять те условия и нужно ли сопротивляться всем жизненным соблазнам?

Первое и пятое условия принимаются нами безусловно, четвертое – не беспредельно, а второе и третье попробуем прокомментировать.

Как соотносятся эти условия с требованием Христа к тем своим последователям, кто, согласившись идти за ним, должны оставлять дом, поля и братьев и притом надеяться, что получат больше домов, полей, братьев? Может ли считаться труд любимым и свободным, если отказавшись от семьи (когда же на детей порадоваться?) и имущества и бредя за Христом по пыльной дороге без всяких запасов, будешь батрачить за пропитание у разных хозяев по мере необходимости? (Мф X, 10: «Ибо трудящийся достоин пропитания»). Оказывается, для счастья тех учеников, которые бросят семьи, нужны хозяева, обеспечивающие их работой, то есть – эксплуататоры. А если при всеобщем (и хозяевами тоже) «бросании» семей, полей, домов работать станет не на кого и наступит что? коммунизм? А Лев Николаевич считал, что учение Христа призывает к лучшему от худшего, и те, кто последуют этому учению, делая всем добро, не будут возбуждать ненависть в людях, так как не делающие зла могут быть гонимы только злыми людьми, а не исполняющие евангельское учение гонимы всеми по закону борьбы за существование.

К четвертому условию приведем пример. В 1909 году латышский инженер Г.А. Пунга, долго живший за границей, рассказывал Льву Николаевичу, как немцы – средний слой и их газеты, исключая несколько ведущих, – негодовали, что Германия упустила

случай войны с Россией. Лев Николаевич на это ответил, что «виновен здесь немецкий патриотизм».

Патриотизм или что-то другое, **но почему русское сердце обязано любить всех?** Может, надо любить и тех германских воспитанных вояк, на которых 24 июля 1915 года в контратаку «в штыки» шли защитники крепости Осовец, русские витязи, обожжённые применённым немцами боевым отравляющим веществом? Шли за Отчизну, как один человек!

Ну, и самое главное, с чем связывают позднее творчество Толстого: принцип непротivления злу насилieм. Закон из Ветхого завета «око за око» Христос заменяет рекомендацией «не противьтись злomu». И у невоцерковлённого человека возникает вопрос: а до какой степени проявления зла этому злу не надо противиться? Выбили один глаз, – подставь второй и потом молись за здоровье выбившего? А ещё потом подставь ему голову под кулак, бревно, камень, топор? Жизненная практика показывает, что попустительство нарушителям законов общежития, распущенность их, безнаказанность границ не знает. «Бандюганы» не идут во святые, а продолжают творить зло после христианского к ним отношения. И не только опасны бандиты с ножом, но и страшнее их те бывают, что с пером. Значит, суды нужны, вопреки наставлению – «не судите, да не судимы будете»! Но, разбирая примеры применения права некоторыми судами, приходишь в ужас. Действительно, лучше простить обидчику, чем добиваться правды в суде, в суде, отдалённо похожем на комариное болотце¹³.

Итак, о непротivленчестве в трудах Толстого много наговорено, не будем повторяться, а обратим внимание на высказывания Льва Николаевича в письмах о **допущении протivления**. В одном письме он говорит о том, что внутренняя работа по искоренению антихристианских привычек приводит к самым разнообразным столкновениям с миром. Как это понять, – раз столкновения, значит, – протivление? Следующая цитата: «Нигде не сказано о непротivлении какими-либо неведественными силами. Приписывать Христу запрещение всякого сопротивления злу есть ни на чём не основанный софизм, нужный тем, которые как-нибудь хотят защищать физически насилie» (т. 69, с. 142). И уже явным сопротивлением пронизано резкое высказывание о достижениях

¹³ И очень хочется не для руководства в будущей профессии, а для размышления, рекомендовать первокурсникам юристам прочитать третью главу статьи Л.Н. Толстого «В чём моя вера». Может быть, от рассуждений писателя у юношей сохранится человечность для будущей их работы с людьми.

цивилизации – пропади, мол, они пропадом до тех пор, пока мы не научимся печатать книги и делать железные дороги, «не губя счастье и жизнь людей» (т. 69, с. 170).

Почему Толстой так много пишет о непротивлении злу? Потому, что считает позицию официальной церкви в отношении этой главной заповеди неверной. Изучая Евангелие и богословие, Толстой пытался закрыть глаза на «неясности и странности церковного учения», однако противоречия с церковью избежать не мог. По мнению писателя, Христова религия определяет, как должен жить человек, путь человеческой жизни, а церковная религия, уклонившись в метафизику, наставляет форму служения, регламент преклонения, календарь поминовения, структуру обрядов, направленных в основном на внешний эффект. Толстовское определение религии сводилось к системе поведения человека в соответствии с нравочениями Иисусу Христа – живого человека без всяких чудес, и никак не сына Божьего. «То, что я не верю в божественность Христа, не уменьшает моего преклонения перед ним и его великим божественным учением», – писал Лев Николаевич С.А. Фокину 3 сентября 1998 года. И к тому же: «В чудеса я не верю, потому, что верю в разум. Нельзя верить в то и другое» (т. 68, с. 130).

У Толстого: «Оценка всех явлений жизни есть вера». Оценка означает действие сознания. Происходит смешение в головах читателей, – то ли вера не доказывается, а принимается без рассуждений, то ли она есть оценка. А если предположить (моё предложение – С. К.), что вера – врождённая жизненная энергия, дарованная каждому в биосфере? Она не осознаётся, она – данность, как дыхание. Иссякает жизненная энергия, – наступает смерть организма. Но Толстой настаивает: «Вера зиждется только на разумном сознании того, что лучше делать»¹⁴. Она и является основой религии в понимании Толстого. По его мнению: «вера есть

¹⁴ Здесь под верой подразумевается расчёт, и, наверное, можно бы было перевернуть утверждение так: это сознательная деятельность зиждется на врождённой жизненной энергии – вере. А имея такой запас жизненной энергии, человек определяет свои цели. Часть людей в подспорье достижения цели создают учения об авторитете: Боге, герое, лидере. Далее на основе разнообразных учений создаются общины, называемые церквями или партиями. Вера бессознательна. Сознательное отношение начинается с представления о Боге, со знакомства с гуманистическими или антигуманными теориями. На основе этих теорий создаются религии или политические партии. Религии образуют ячейки – приходы; партии – первичные организации.

сила жизни», и она появляется прежде Бога. «Надо определять веру, а потом Бога», но, есть ли вера «знание смысла человеческой жизни» – вопрос для дискуссии мудрецов. По-моему (пока), вера как сила жизни не осознаваема. Её можно характеризовать проявлениями, реакциями, но сама она – «вещь в себе». И трудно согласиться с писателем, принижающим, по-моему, значение слова «вера» в следующем высказывании: «Вера делает то, что человек спокойно даёт себе отрубить голову (за веру), но из-за веры же отрубит голову другому». Это не вера, а скорее стадность, запретельная партийность, мракобесие.

Теперь нам уместно будет обратить внимание на возможное непонимание читателями рассуждений Толстого из-за расплывчатости значения многих категорий, используемых и им, и его критиками, и вообще всеми культурными людьми. То, в чём Лев Николаевич упрекает догматическое богословие: в «неясности выражений, противоречиях, обличение словами ничего не разъясняющими», можно отнести к части его работ, где используются слова размытого, недостаточно чёткого определения их значения, отчего каждый из нас, пользуясь ими, может подразумевать то, что не соответствует понятию собеседников¹⁵. Или местами как синонимы употребляются слова нравственный и моральный, и нам непонятно, что имеется в виду: нравственные или моральные начала, нравственный или моральный смысл, нравственные или моральные предписания.

Например, исследователь Толстовских рассуждений В.Ф. Асмус считал, что *нравственное учение* писателя придаёт смысл человеческой жизни; в другом месте говорит о *нравственном смысле жизни*. Вообще-то, моральным (идеальным), может быть учение, а поведение – нравственным. Этика же только изучает человеческие отношения. Смысл рассматривается моралью, а цель жизни осуществляется нравственностью, то есть реальным поведением человека.

Этика как наука – это не просто этикет, это исследование того, как требования этикета, то есть моральных принципов, воплощаются в жизнь и становятся нравственностью.

¹⁵ Простое сравнение: у слова «замок» два значения, определяемые ударением; не то со словами истина, счастье, добро, любовь и так далее. Недостаточная определённости значения их приводит к столетиям продолжающейся безитоговой словесной толкотне о важнейших проблемах личности. Определились бы в координатах, меньше путаницы было бы (хотя, что бы тогда делать философам?). *Прим. автора.*

И мы подходим к вопросу о том, как же собственные мысли и поведение Льва Николаевича, его реакция на окружающих соотносятся с поучениями Евангелия.

«Я знаю, что жизнь моя для личного одинокого счастья есть величайшая глупость» («Исследование догматического богословия»). Итак, подумаем... Да, личное одинокое (индивидуальное, надо полагать) счастье не удержится во мне, я обязательно им поделюсь с дорогим человеком, но это абсолютно не значит, что я не стремлюсь к одиночеству, при котором будет хорошо мне и кому-то ещё (может быть, многим). Поделиться личным счастьем с другом – значит, увеличить своё счастье одиночества. Отказываться от блага личной жизни в пользу общей, забывая о себе, – значит, угнетать себя и ничего при этом полезного не давать на благо общества.

«Смысл жизни человеческой не в личном счастье, а в служении всем, в унижении перед всеми». Так ведь подобное служение и составляет личное счастье, если человек осознанно служит. Это будет не казарма или аскетический лагерь, в призыве к которым некоторые истерички¹⁶ упрекают Льва Николаевича, это Академия, служители которой доступными времени средствами познают роль человека в биосфере.

Жизнь человека не начинается с прислуживания другим, – другие служат младенцу, чтобы он со временем, стремясь достичь личного (ограниченного) счастья, станет увеличивать всеобщее благополучие через ближайшее окружение. Светить светом обрётённого счастья перед людьми «есть святое дело жизни» (т. 85, с. 57). Нужно ли специально, намеренно отказываться от личного счастья? Не получающий его человек может оказаться опасным обществу.

Толстой противоречит «служению всем», призывая людей «не заботиться об общем благе, а каждому заботиться бы о себе, о хорошей жизни ближних, с которыми сводит его жизнь» (т. 75, с. 203). И к тому же ещё цитата: «Община святых людей среди грешников не может существовать. ... Мы так сотворены, что не можем стать совершенными ни поодиночке, ни группами, а непременно все вместе» (т. 69, с. 110). Однако к некоторым группам

¹⁶ Истеричкам следующую цитату читать бесполезно, а здоровым людям советую вникнуть в суть взгляда Толстого на поведение человека: «Практически же мой совет тот, что надо больше жить плотски – общаться с природой, работать, ходить, играть, собирать цветы, украшать вокруг себя. Всё это грех, когда для этого нужны труды других людей, но если нет, то нет греха (т. 69, с. 114). *Прим. автора.*

населения сам он не скрывает резко отрицательного отношения. К таким группам относилась и маковым цветом расцветшая в России интеллигенция. Писатель о ней высказывался Н.Н. Страхову: «Противно писать для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суёты, не было и не будет». А когда в августе 1909 года разговор с семейными и гостями коснулся недавно изданного сборника «Вежи», Лев Николаевич выразил свою позицию так: «Интеллигенция – это презренная клика. ... Они только повторяют то, что Европа сказала, сами своим умом не думают. Я получаю письма от интеллигенции, одни глупости пишут...». На вопрос шурина, куда же придёт интеллигенция, ответил: «К чёртовой матери».

И, параллельно рассуждениям о должном отношении к людям, Лев Николаевич признаётся в собственных отступлениях от тех заповедей: «Часто прежде мои попытки любить, жалеть приводили меня к фальши и раздражению». Или: «Я не могу относиться к окружающей меня жизни кротко, любовно и потому спокойно» (т. 85, сс. 47, 298).

В 1895 году он отмечает: «Я любил и молодым и теперь люблю быть один». А одиночества не получалось! Почти всё время приходилось быть на публике. Студенческие гулянки, спортивные залы, военные, писатели, казаки, охотники, барышники, купцы, бестолковые в хозяйстве помещики отнимали время одиночества. Если, выходя из дома на Киевское шоссе или бродя по Москве, он выбирал себе собеседников, то гости всех сословий и политических направлений в последние десятилетия выбирали его, – с ними нужно было поговорить. Сотням корреспондентов (и на неприятные письма) старался ответить сам или ему помогал сделать это кто-то из близких. Просьбы материальной помощи, доходившие до 1000 рублей в день, изматывали нервную систему. Толстому в год отчисляли за театральные постановки примерно такую сумму. Больше у него доходов не было. А требования денег возрастали. Один корреспондент 10 сентября 1908 года пишет: «Я приобрёл долг в триста рублей. Пошлите мне их. Возвращу в три года». Телеграмма 24 мая 1909 года от неизвестной дамы: «Пошлите немедленно 300 рублей». Просили денег для обзаведения мастерской, на проведение праздников, на учёбу... Приходящие потолковать о духовном в конце концов просили материальной помощи. Часть прохожих, посещавших Ясную Поляну, – молодые трудоспособные люди приезжали поездом, соскакивали на станции Засаека и шли за дармовыми пятью, десятью копейками, прослышав, что у

Льва Николаевича скопились деньги от пожертвований богачей, да своих семь миллионов¹⁷ рублей есть. Толстой говорил им, что они отнимают пятаки у настоящих нищих. Так нельзя делать, а надо идти работать. Да искать работу им не хотелось. Босятничать легче? Лев Николаевич был вынужден просить близких, чтобы они оберегали его от посетителей, так как «от этой растрёпанности» он чувствует усталость и головную боль, а ему нужно сосредоточенно работать.

И как тут проявить «служение всем, унижение перед всеми»? А ещё труднее проявить любовь¹⁸, основу непротивления злу насилием. «Христианин должен жить так, как будто все люди – какие бы они ни были – были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь» (т. 68, с. 139). Толстой определял её так: «Любовь есть ни что иное, как только признание других я – собою» (т. 58 с. 51). Все люди прошли такой этап развития: «признание других я – собою». Кто-то быстро излечился (излечили!), кто-то пребывает в этом тумане всю жизнь. А люди разные. Разные не по наполненности кармана или банковского счёта, а по структуре своей нравственности, и представлять другого своим «я» нужно с очень большой поправкой на честь, долг, чувство меры и прочие личностные характеристики. Они основываются не на высказываемых человеком идеалах, а на реальном движении к идеалам, «по делам их» – евангельская истина, миллион раз повторённая!

Идея построения общества на основах евангельских принципов, поддержанных Толстым, особой популярностью в обществе не пользовалась. И.М. Трегубов объяснял снижение внимания к христиански-моральным сочинениям тем, что писатель, когда-то называвший социалистов единственно верующими людьми, теперь считает их совсем заблудшими. А молодёжь не желает ограничи-

¹⁷ О миллионах Толстого я слышал по телевизору от одного остепенённого дядьки. Миф живёт!

¹⁸ «Умирая, желал бы сказать – правда ли всё, что я думал о смысле жизни, что он в увеличении любви. Хоть головой мотнуть утвердительно или отрицательно» (т. 55, с. 259). Последние его слова, записанные разными мемуаристами, были: «В мире есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва», или: «Делай, что должно, и будь, что будет». А об увеличении любви не вспомнил.

Здесь вдаваться в обсуждение круга явлений и объектов, к чему прилагают слово «любовь», неуместно. Кому интересны мои попытки сделать это, могут познакомиться с ними в моей книге «Ненужное наследство». Сейчас обращаюсь к филологам с великой просьбой: ну, наведите, наконец, порядок в употреблении этого слова!

ваться пассивным отношением к государственному устройству и уходит в ряды борцов, далёких от христианства (т. 87, с. 195). О таких борцах рассказывали Толстому. К примеру, сыновья начальника Морского штаба, студенты Политехникума спаивали и подговаривали мужиков громить помещичьи усадьбы; когда мужики спросили про их отца, они ответили, чтобы с него и начинали.

Таким борцам слова Толстого – «Советую вам не примыкать ни к какой партии» – не указ. И предупреждения его в «Обращении к русским людям»: «Не успеете оглянуться, как то самое правительство, которое восторжествует, хотя бы вы и помогали его торжеству, затянет на вас опять ту мёртвую петлю рабства, в которой вы жили и живёте ещё» – не возымели действия, как не дошли до революционно настроенных масс и его слова о том, что менять Николая на Петрункевича – это тот же вздор, как и менять православие на пашковство.

Народные настроения, очень далёкие от любовных, хорошо были известны в Ясной Поляне. Доходили слухи о сожалении крестьян, что не порезали в революцию (1905 года) помещиков. Примером отрицания результатов любви служит крестьянская агрессия против добрых землевладельцев, – в горячие моменты истории жгли и грабили они тех, кто устраивал школы и медпункты на деревне, а тех, кто сам грозился в ответ на погромы сжечь всю деревню или вызывал казаков, побаивались, уважали – это, мол, хозяева!

А вот вам прогноз Льва Толстого: «Толпа озлобленных, одурённых крестьян, подбитых революционерами, сожжёт усадьбу, вырубит лес, убьёт приказчика, помещика; отбившиеся от деревни и заболтавшиеся в городе крестьянские ребята, наученные революционерами, ограбят винную лавку, почтовую контору, убьют купца; вообще злые и развращённые люди из народа совершат какое-нибудь скверное преступление и все говорят, пишут и печатают: “Русский дикий, озверелый народ. Только дать ему волю, и всё (всё то прекрасное, что мы делаем) будет разрушено этими варварами». Делают те злые дела десятки, сотни, допустим – тысячи, а мы обвиняем 150 миллионный народ... Не исправлять нам надо народ и поучать, а постараться, вникнув в его жизнь, научиться от него” (т. 90, с. 83). В этой цитате стоит обратить внимание на слова: «говорят, пишут и печатают». Того, кто подбивает русский народ, а потом гадит на него, читатель может поискать сам.

Но видел Лев Николаевич и крепкую основу в русском народе. Вот маленький пример этой основы, рассказанный писателю

старым знакомым. Одна крестьянка старушка собирала колоски в поле. Ей приказчик предложил взять готовой пшеницы. Она ответила с укором: «Я не нищая, у меня есть руки и ноги, и я должна работать» (т. 76, с. 262).¹⁹

И всё же писатель считал, что человек христианского понимания жизни знает, как ему надо поступать.

И что в итоге? Вписывается ли Лев Николаевич Толстой в «систему социальных норм и учреждений, духовных ценностей, совокупность отношений людей к природе, обществу и своему я», то есть в определённую часть культуры или он, как представитель цивилизации (в определении Шпенглера), деградирующей и уходящей в прошлое, уходит вместе с ней? Да, пока неприменимы в обществе поддержанные им евангельские принципы поведения. Вопросы те же задаются, а обстановка по существу распределения доходов не меняется. Да почему, чёрт возьми! Отнимать и делить – дико и непродуктивно. Пробовать мягкой «непротивленческой» силой додавить богачей? Так у них психология другая, жизнь не так видится как честно проработавшим всю жизнь нищим духом. Посему, можно было бы закончить это небольшое поминальное эссе благодарностью Толстому за то, что один из путей к оптимальному обществу пропагандируемого им любовного Божьего царства человеческая популяция *не приняла*. И тратить силы на его разработку больше не стоит. Толстой прошёл за всех нас этот путь. Нам можно на это поле не заходить.

Да нет, никуда мы от рассуждений Льва Николаевича не денемся! И каждый из думающих индивидуумов не минует дебрей извечных вопросов мироздания и роли в нём «Я». В Дневниках Толстого мы находим крупинцы и нашего собственного мировосприятия, а если кто-то этого не находит, то он беден впечатлениями собственной жизни и интеллектом. Опасно для культуры, если такой бедный человек научится писать.

Конечно, нам необходимо читать и новые книги. Было время, заучивали Катехизисы, за ними Манифесты, пришло время внимательно прочитать пособия по популяционной экологии, в которой места «высшей истине» не находится. После того, как поймёшь жёсткую сущность экологических закономерностей, какой

¹⁹ Вот такой народ достоин преклонения. И я, грешный, преклоняюсь пред крестьянским образом жизни, но не перед всеми, вышедшими из той жизни, особенно теми, кого выдернули из задавленной деревни и воспитали проводниками городских идей. Повели такие себя на новых должностях по отношению к подчинённым по худшим образцам приказчиков царского режима. *Прим.автора.*

благодатью кажутся умные пожелания Христа и впечатления от них, рассказанные Львом Николаевичем Толстым.

«Верьте в воскресение, в рай, в ад, в папу, в церковь, в таинства, в искупление, молитесь, как это требуется по вашей вере, говейте, пойте псалмы, – всё это не мешает вам исполнять то, что открыто Христом для вашего блага: не сердитесь, не блудите, не клянитесь, не защищайтесь насилием, не воюйте».

А вы, читатель, выбирайте то, что вам по силам.

Воронежская область, пос. Рамонь

Крекшино, Сентябрь 1909 г.

Жизнь наша есть ничто иное, какъ постоянное приближеніе къ осуществленію идеала, приближеніе, достигаемое прежде всего въ нашей внутренней духовной жизни, для которой нѣтъ тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыя есть въ жизни внѣшней.

Какъ важно помнить, что требуется отъ насъ не совершенство, а приближеніе къ нему во всемъ.

Л. Толстой.